ских рукописях. Хотя древнерусский переводчик в данном случае не рабски и не буквально воспроизводит читаемый им оригинал, что вообще характерно для его творческой манеры, однако же остается бесспорным, что он мог прочитать в нем скорее ἀρνῶν, чем ἀνδρῶν, и по смыслу совершенно правильно передал именно это объяснение события. В результате привлекаемое место древнерусского текста позволяет нам с известной долей вероятности признать поправку, выдвигавшуюся А. Шлаттером и поддержанную тогда же Р. Эйслером.[115]

Как ясно из сказанного, привлечение древних славянских переводов способно во многих случаях помочь текстологическому исследованию произведений античной и средневековой письменности.

В основных разделах доклада древнерусский перевод сопоставлялся с известными списками греческого текста «Истории Иудейской войны». При этом, в противоположность гипотезе А. Берендса и Р. Эйслера, полагавших, что древнерусский перевод восходит к какой-то иной, более ранней авторской редакции текста, я стремился доказать, что за переводом мы не обнаруживаем ничего, кроме общепринятого текста произведения Иосифа Флавия. Отдельные чтения древнерусского перевода совпадают с теми вариантами, которые приводились в критическом издании Бенедиктом Низе по рукописям Ватиканской, Урбинатской и Палатинской, т. е. по так называемым «худшим» изводам. Что же касается известных отступлений, имеющихся в тексте славянского перевода, так называемых «дополнений» христологического и иного характера, то мною было высказано предположение, что эти дополнения могли быть внесены древнерусским переводчиком попутно с предпринятой им стилистической переработкой переводимого оригинала. Что касается тех греческих слов, встречающихся в древнерусском переводе, которым нет соответствия в оригинале, то они, как нам казалось, тоже могли быть внесены в текст переводчиком по своей инициативе и являются свидетельством его литературного вкуса. Переводчик, как образованный человек своей эпохи, мог знать не только книжный греческий язык, совершенное владение которым он показал в своем труде, но и народную разговорную речь жителей Византийской империи, своих современников, откуда он и внес в текст перевода такие слова, как «проелевсис» вместо «триумф», «дука» вместо φρούραρχος (начальник гарнизона), «грамота» вместо ἐπιστολή (послание) и другие.[116]

В прениях по нашему докладу, а также в рецензиях на опубликованную в том же году монографию высказывались отдельные критические замечания.

Пользуясь настоящим выступлением, приносим всем высказывавшимся устно или печатно по поводу наших работ искреннюю признательность за внимание к ним. Одновременно хотелось бы ответить здесь оппонентам на ряд их критических замечаний.

Так, Н. К. Гудзий выразил несогласие с нашим утверждением, что русский переводчик обнаружил свою инициативу не только в стилистическом отношении, но и в большом количестве дополнений по сравнению с дошедшими до нас греческими текстами «Истории Иудейской войны», в частности в известных дополнениях христологического содержания. По мнению Н. К. Гудзия, не может быть никакого сомнения, что последнего

---

[115] R. Eisler. Die messianische Unabhängigkeitsbewegung..., t. I. Heidelberg, 1929, стр. 82, прим. 2.

[116] См. подробнее: Н. А. Мещерский. К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского литературного языка (по материалам переводных произведений киевского периода). — Византийский временник, т. XIII. М., 1958, стр. 246—261.